

Лит. газ. - 1994, - 15 июня, - с. 3

Путешествие из Владивостока в Москву

На земле Бамлага

К одному из старейших поселений дальней России, граду Благовещенску, ранним утром 7 июня подошел обшарпаный и немытый пассажирский состав. Он весьма красноречиво символизировал обстановку запустения в нынешней России. Кто-то из журналистов съязвил: "такой поезд, дескать, как нельзя кстати мог подойти для съемок фильма "Бегство атамана Семёнова в Маньчжурию"..."

Впрочем, вагон, в котором ехал лауреат Нобелевской премии, выглядел вполне прилично, на всем пути следования от Хабаровска его сопровождал усиленный наряд российской милиции. Стражей порядка было полно и на первом вокзала, как, впрочем, почитателей таланта, его единомышленников, журналистов, просто зевак, кто хоть однажды слышал имя Солженицына. Немало было и негров, кто когда-то, в эпоху всеобщего "одобрямс", хулил и кляя писателя за его "вольные" книги, за гласные утверждения, что советская империя преступна и бесчеловечна.

Многолюдная встреча растрогала Александра Исаевича. "Не ожидал, что меня в ран-раньскую приедут встречать столько народа", — сказал он у ступеней вагона. — Спасибо всем амурцам за теплый прием!"

От встреч с журналистами Солженицын отказался, заявив, что приехал сам спрашивать и получать ответы. В первые же часы пребывания на земле Бамлага и Амурлага, отобрав с губернатором Амурской области, гость встретился с представителями амурского казачества, церкви, побывал у пограничников, в старинном русском селе Марково, что стоит на берегу державного Амура. Сразу у села — красавая тихая протока. По-

просив журналистов, милицию и многочисленных сопровождающих оставить его одного, Александр Исаевич долго стоял в раздумье, размышляя о чем-то своем...

А на следующий день — прогулка на теплоходе по Амуру и поездка в Китай. Пересечение границы заняло полтора десятка минут. Китайский город Хэйхэ, где решил побывать писатель, прямо напротив Благовещенска.

Был очень удачный момент на теплоходе в спокойной обстановке пообщаться с писателем, показать ему кое-какие реликвии Бамлага. В свое время, лет пять назад, мне удалось "раскопать" в Благовещенске архив Бамлага — этого восточного пика архипелага ГУЛАГ. Зная, что тараки есть, и именно в Благовещенске, я неоднократно обращался в КГБ, Министерство внутренних дел

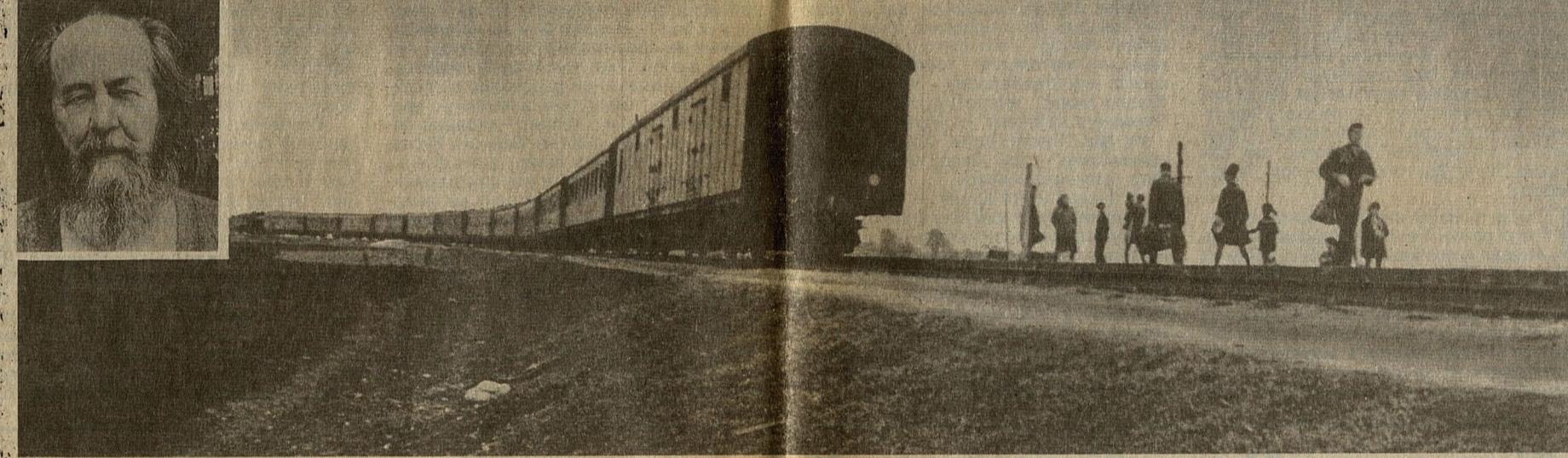
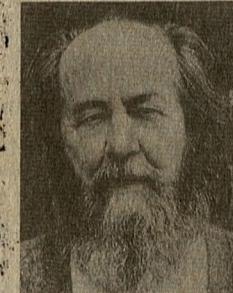
СССР, оттуда, в том числе за подписью бывшего шефа ГБ Крючкова, приходили стандартные ответы, что архивов Бамлага в Благовещенске нет. В конце концов их двери удалось распахнуть — бесценные документы находились брошенными в грязном подвале. Потом была публикация в "Российской газете", старые реликвии перенесли в здание бывшего партийного архива. Автору этих строк "на память" досталось несколько бамовских талонов с пометкой "котел № 3".

Знал ли Солженицын, собирая материалы для "Архипелага ГУЛАГ" о Бамлаге, Амурлаге? Знал, конечно, ответил он. Но видеть архив не представилось возможным.

Через три дня Александр Исаевич ранним утром покидал Благовещенск. Перед отъездом в Иркутск он пожелал амурчанам творить свою судьбу, новую жизнь, порушенную, как он выразился, в 17-м году, самим, собственными руками, не доверяясь политикам и политикам.

Николай БЕЛЬЙ

БЛАГОВЕЩЕНСК

"Демократии сверху мы не дождемся"

"Ни лекций, ни пресс-конференций не будет, — заявил писатель, прибыл в Иркутск. — Я не просто отвечаю на вопросы, я слушаю мнения и соображения людей. И уже тогда мне естественно на них отвечаю".

Все-таки Солженицын встретился с общественностью города. Это произошло в бывшем Доме пропаганды бывшего обкома КПСС, стены которого помнят гневные эскадры парработников в его адрес. Собралась самая разная людь: и нынешние коммунисты, и радикальные демократы, и демо-христиане... Не вмешавшись в зале стояли в коридоре и на улице и передавали друг другу слова писателя. Но, прежде чем сказать свое слово, Солженицын целый час слушал иркутян.

Отечественная война оказалась самым острой моментом состоявшейся дискуссии. Очень жестко, если не сказать жестоко, писатель констатировал: не могут считаться победителями потешившие людей в 10 раз больше, чем пропавшие.

При всей нынешней гласности и открытости с непривычной резкостью прозвучал и его ответ на вопрос, кто погубил Россию: "Это не какие-то масоны, а наши отцы, деды и прадеды, привет-

ственно воспринявшие большевистский лозунг, "грабы награбленное". Мы дали разрушить цветущую страну, которая сегодня была бы несравнена по своему величию и благоустройству. Мы делали это 75 лет под коммунистическим флагом и продолжаем это делать сейчас, да еще как!"

Горбачев, заявив о перестройке и гласности, семь лет хитрил, считает Солженицын. Никакой перестройки не произошло. А гласность была дарована не только для свободы слова, но и для похвастки, насилия, разрыва. А 60 миллиардов заемов, учтывавших наши долги, — куда они делись? Я отказалась считать реформой действия Гайдара. Реформа — это строгая согласованность мероприятий, из которых каждое учитывает другие и определена их последовательность. Но не видны этапы, по которым мы собирались двигаться, не видна цель. Мы никогда не слышали об этом из Москвы. Внезапное обострение цен? Конечно, при конкурентной борьбе это помогает: не можешь прорвать товар дороже, другой продаст дешевле. Но без конкуренции, при монополии это просто грабеж.

Ни в коем случае нельзя было разрушать все сверху и сразу. Надо было мед-

ленно-медленно изменять, оживлять экономику снизу. И прежде всего дать дорогу мелкому бизнесу. Выделить маленькие участки земли, открыть лавочки, организовать небольшие частные производства. Когда народ оденется — начнет оживляться система. Тогда снизу вверх, а не сверху вниз.

Солженицын спросили, во сколько он оценивает грабеж, о котором говорит. И он ответил: от 12 до 20 миллиардов долларов ввозят каждый год за границу темные дельты. А наше правительство на коленях вынуждает МВФ полтора миллиарда в долг. Солженицын выразил возмущение: что о борьбе с преступностью мы лишь говорим, но никто с ней по-настоящему не борется. "Преступность прорастает вверх".

Писатель считает, что нынешний строй вовсе не демократия и не демократизация, как мы постоянно говорим. Демократия — не легкий, а самый трудный способ управления. При ней каждый имеет волю к законопослушанию. У нас же этого нет. Уважения к имуществу — нет. Хозяйственной независимости гражданина — нет... У нас олигархия. Это правление замкнутой группы, которая создалась из бывшей номенклатуры, сменившей посты. Из коммерсантов, которые выросли и получили силы благодаря темным деньгам, из преступного мира, который последнее время уж слишком явно рвется к власти.

Но демократии сверху мы не дождемся. Эры сидели у телевизоров и ждали, когда на эти съезды она родится. Так не бывает. Но это не значит, что нужно стушеваться и замолчать. Кое-что мы имеем. Это — выборы. Это оружие нам дали в руки. И уже никто не посмеет

его отобрать. Но Боже мой, как мы говорим! Или за ту же номенклатуру. Или вообще не ходим. А наши референдумы? То проголосовали за сохранение Советского Союза, через полгода Украина — против. Как так можно, где же голова? Ругали реформы. Но прошел референдум — оказывается, все за. Это как понимать?

Пока мы не начнем строить территориальную демократию малых пространств, начиная с поселков, сел, районов, городов, пока мы снизу не начнем выбирать людей честных, скромных, мужественных, бескорыстных, которые не для себя выгадывают, а хотят помочь для народа, которые понимают, что власть — не привилегия, не национальная, а тяжелый долг... Пока мы таких не находим выбирать и не сплотимся вокруг них — не видать нам демократии, не увидим мы народовластия.

Говоря о тех писателях, которых Александр Исаевич выделяет в сегодняшней России, он назвал Распутина, Белова, Астафьева.

И на встречах в Иркутске, и на Дальнем Востоке Солженицын не раз заявлял, что не будет вмешиваться в политику. Но вряд ли можно назвать сибирские и дальневосточные встречи и выступления Солженицына литературными вечерами. Вольно или невольно, но приезд писателя стал фактом политики, от которого уже никому не отмахнуться и степень влияния которого на нашу жизнь нам еще предстоит испытать.

Ольга БАТАЛИНА

ИРКУТСК

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Он привез собственное имя...

Несколько лет назад по нему сходили с ума, но это быстро прошло, — прорубчала она.

Если учесть, что большинство книг Солженицына оставалось запрещенным вплоть до 1989 года, то взрыв его популярности во Владивостоке был действительно очень краток.

Я заметила, что в день прибытия Солженицына этот прилавок исчез и не появился все то время, пока писатель жил в гостинице.

У вас есть что-нибудь из книг Солженицына? — спросила я продавщица.

Ответом мне было пожатие плеч и равнодушный взгляд.

— А бывает? — упрямо продолжала я.

— Не видел, — буркнул он в ответ...

Я приехала в гостиницу "Владивосток", представляющую собой довольно ветхое здание, в котором должен был разместиться Солженицын со своей свитой, согласившись на вынужденное соседство с журналистской братией, несметным количеством подозрительных личностей в спортивных костюмах и не большим взводом проституток. В кранах не было горячей воды, потому что как раз в те дни ремонтировали трубы.

В вестибюле я заметила книжный прилавок и подошла посмотреть, что там продаются. Мне попалось традиционное собрание сочинений Джеймса Хадли Чейза, рекомендации по эротическому массажу, "Ваша собака", словари английских деловых терминов... И я подумала, как бы отнести ко всему этому человека, который однажды назвал западную массовую культуру "навозной жижей", если бы увидел, что эта самая "жизь" благоухает на книжном прилавке в его гостинице.

— У вас есть что-нибудь из книг Солженицына? — спросила я продавщицу.

— Нет, это тот, кто написал "Один день Ивана Денисовича", — ответила я, с трудом подавив смех.

— Не видел, — буркнул он в ответ...

Я приехала в гостиницу "Владивосток"

прилетела на центральной площади, не шла ни в какое сравнение с лавиной из десятков тысяч людей, ринувшихся на следующее утро на воскресный рынок. Солженицын получил первый урок нового российского капитализма.

— Сколько?! — в изумлении воскликнул он, когда услышал, что килограмм сосисок стоит десять тысяч рублей. — Я ее езжал, они были значительно дешевле.

— Приходите завтра, — сказал обиженный продавец. — Они станут еще дешевее.

— Приходите завтра, — сказал обиженный продавец. — Они станут еще дешевее.

— Толпа из двух-трех тысяч человек, встретивших Солженицына в ночь его

приезда, не появилась. Толпа из двух-трех тысяч человек, встретивших Солженицына в ночь его

приезда, не появилась.

В то время как писателя осаждали

толпы журналистов и фотокорреспондентов,

местное население, похоже, не проявляло особого интереса к своему знаменитому соотечественнику, а сосредоточилось на покупках. В одном месте

группа поклонников Солженицына попыталась пересечь длинную очередь, чем вызвала негодящие крики: "Убейте этого парня!". "Он хочет влезть перед нами!"

— Что происходит? — спросил один продавец другого, глядя на толпу журналистов и операторов.

— Наверное, кого-то арестовали, — ответил ему сосед, и они тут же забыли об этом и вернулись к своим делам.

— Извините, — сказал один из продавцов.

— Он опасен, — пробормотал британский журналист, сидя в баре после пресс-конференции.

— Он себе на уме, — подхватил друг.

— Вообще-то не думаю, что кто-нибудь станет слушать его, — с надеждой в голосе заметила я.

Изгнаник вернулся домой, чтобы спасать Россию. Но страна, в которую он сейчас возвратился, уже не та, из которой его выдворили двадцать лет назад. Сможет ли он понять новую Россию? Сможет ли он найти общий язык с его народом? И захочет ли Россия принять план спасения, который ей предлагает Солженицын?

Джин МАККЕНЗИ ("Москоу таймс")

А. Солженицын встречается с россиянами

му что то, что сейчас происходит, требует от человека очень большой затраты физической и умственной энергии. Писатель совершает железнодорожные маневры для того, чтобы "встречаться с людьми". На этих встречах, которые проходят и на площадях, и в зале со сценой и президиумом, выступают для него, выступает он сам. По телевизору мы видели целые митинги, которые собираются стихийно в разных населенных пунктах вдоль Транссибирской магистрали. Это тяжелая работа, которая похожа на предвыборную кампанию американского президента. Она усложняется вечно присутствием телекамер. Возможно, они кружат и во втором вагоне, спальному, потому что каждый миг возвращения писателя в Россию самоценен.

На съемки этого фильма писатель согласился при одном условии: что в России лента будет показана бесплатно, а во все остальные страны ее можно продавать. Специалисты говорят, однако, что еще неизвестно, купила ли бы Россия этот фильм вообще, потому что этапы большого пути снимают операторы российские. Би-би-си эти жесткие условия принял.

Об этих условиях мы узнали, кажется, от самого писателя или от приближенных к нему, которые сейчас дают многочисленные интервью, так что голова кругом идет — кто, когда и где сказал. Важно, что в интервью, которое давал сам писатель (оно забытое не может), он говорил, что не собирается принимать участия в политической жизни России — он просто будет говорить, что думает, а члены партий и вообще все люди как хотят, так пусть его мысли и истолковывают. Он будет сеять, а что врастет и кому придется убирать урожай — сеятели уже не интересны. С помощью Би-би-си и МПС планы писателя обретают реальность.

Чтобы закончить с интервью и со всем, что там говорится, упомяну лишь интервью в "Известиях" (18 мая 1994 г.), которое давала жена писателя. Она не захотела назвать точной даты приезда писателя в Россию по той причине, что писатель хотел бы избежать шумихи — корреспондентов, вспыльчагии, съемки, вопросов... Однажды в одном городе семья Солженицыных уже пережила такую встречу, пышность ее была в тягости. И этот план тихого и скромного возвращения также становится зирином.

Необходимо заметить еще, что съемки интересного фильма обойдутся Би-би-си недорого, так как в переводе с рублей с их строенными нулями на понятные доллары окончательная сумма на бумаге занимает совсем немного места — 28 000 долларов. Конечно, не исключено, что